

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА УРАЛА К МОМЕНТУ СОЗДАНИЯ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

М. А. Фельдман

Уральский институт управления (филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ), Екатеринбург, Россия

Статья посвящена эволюции взглядов советской региональной элиты относительно принципов, направлений и перспектив новой экономической политики в 1923 г. На основе материалов Уральской области продемонстрировано различие подходов представителей партийных и хозяйственных структур к вариантам развития НЭПа. Анализ биографий членов Уралобкома РКП(б) 1923 г. позволил реконструировать социокультурный портрет большевистских руководителей региона в начале НЭПа, выявить общие и специфические черты региональных лидеров. Сделан вывод о близости характеристик всех ответственных работников Уральской области за исключением «назначенцев» по социальному происхождению, возрасту, образованию, национальному составу.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, партийная конференция, рабочие, власть, Уральский регион, дискуссия, элита.*

Объединение на основе Постановления ВЦИК СССР от 3 ноября 1923 г. четырех губерний РСФСР (Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской) в единую Уральскую область превращало ее в своеобразный полигон для реализации новой экономической политики в индустриально-аграрном крае с площадью 1659 тысяч км² и населением 6380 тысяч человек [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 90. Л. 12].

Судя по тексту Предисловия к «Обзору по итогам районирования Уральской области», изданного в Свердловске в 1924 г., руководство Уральской области ориентировалось на слова А. Н. Рыкова на XII съезде правящей партии в мае 1923 г. (на тот момент в условиях длительной болезни Ленина А. Н. Рыков был фактическим руководителем правительства СССР – Совета Народных Комиссаров): «управлять огромной страной на основе бюрократического централизма невозможно. Нам нужны мощные областные центры с правами, далеко превышающими права и полномочия бывших губисполкомов» [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 90. Л. 3].

Позицию коммунистов Урала по основным проблемам общепартийной и общесоюзной жизни должна была выявить первая областная конференция (Уральской области) в середине декабря 1923 г. Наличие 227 делегатов, представлявших 23 тысячи членов партии; присутствие секретаря ЦК В. М. Молотова; подчеркнутая торжественность открытия – все это придавало форуму уральцев особое значение.

Созвучие мысли А. Н. Рыкова о широких полномочиях Уральской области содержалось в

Отчетном докладе Уральского Бюро ЦК РКП(б) первой областной конференции: «конференция должна была избрать Уральский областной комитет с большими полномочиями и сложными функциями». Первый опыт появления подобного института в СССР должен был качественно улучшить управленческую работу [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2-а. Л. 1].

С точки зрения марксистских канонов, партийные организации Уральской области представляли собой «идеальную» структуру. Высокий процент рабочих (более 46 %) в общей массе коммунистов еще более возрастал среди работников губернских комитетов РКП(б) – 62 %. Среди 1111 ответственных работников во всех звеньях аппарата четырех губерний русские составляли 92 % [11. Ф. 4. Оп. 2., Д. 2-а. Л. 10], что соответствовало и национальному составу населения области (89,2 %) [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 90. Л. 13].

Близость позиций радикальных партий в дореволюционную эпоху обусловила тот факт, что 150 ответственных работников, или каждый седьмой, были выходцами из социалистических партий [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 90. Л. 39]. В начале 1920-х гг. это еще не звучало как приговор.

Правда, только десятая часть ответственных работников имела дореволюционный партийный стаж, но это должно было компенсироваться «революционным духом» подавляющего большинства управленцев, вступивших в партию в годы Гражданской войны [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 1]; совместной работой по восстановлению индустрии Урала в труднейших условиях 1920–

1923 г.; наконец, молодостью управленцев: характерно, что из 135 ответственных работников *областных учреждений* Уральской области (на 15 ноября 1923 г.) – 118 или 87 % были моложе 35 лет [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 5. Л. 3]; значительными тиражами пропагандистских брошюр, выходящими в Екатеринбурге.

Среди руководителей губернских комитетов РКП(б) было немало участников Гражданской войны, хорошо известных на Урале. Личность М. М. Харитонов, избранного по рекомендации ЦК РКП(б) первым секретарем Уралобкома на конференции коммунистов области в декабре 1923 г., была менее «на слуху»: даже отработав два года (1921–1923 гг.) секретарем Пермского губкома среди сплоченного годами революционного подполья и событий 1917–1920 гг. коллектива уральской партийно-хозяйственной элиты [9], он не только считался «назначенцем» из центра, но и сам себя идентифицировал таким образом [11. Ф. 4, Оп. 2., Д. 1, Л. 8-об.].

Заметим, что принцип назначенчества широко практиковался руководством правящей партии: из шести человек, работавших первыми секретарями Уральского обкома РКП(б) за время существования Уральской области (1923–1934 гг.), пятеро (!) были назначены партийным центром и только один человек – Д. Е. Сулимов – был избран на этот пост из числа местных руководителей. Частые перемещения управленцев должны были, по мысли руководства компартии, не допустить сплочения местных элит.

Кадровое сито Гражданской войны и первых лет НЭПа было максимально жестким: из 12 членов совета народных комиссаров Уральского областного Совета, избранного в январе 1918 г., на руководящих должностях в Уральской области в 1923 г. работали только двое – Н. И. Уфимцев и В. А. Воробьев. Восемь уральских народных комиссаров (Н. Н. Крестинский, В. Н. Андронников, И. Я. Тунтул, Ф. Ф. Сыромолотов, Ф. И. Голощекин, П. Л. Войков, В. М. Хотимский, И. Х. Поляков) – то есть две трети прежнего состава – были переведены на ответственную работу в столицу и другие регионы. Характерно, что если в конце 1917 – начале 1918 г. руководителей уральских большевиков переводили на высшие должностные посты в РКП(б) (секретарями ЦК РКП(б) стали Н. Н. Крестинский и Е. Н. Преображенский), то к началу 1920-х гг. состав революционной элиты сформировался и за 1922–1923 гг. не претерпел значительных изменений. В такой ситуации перевод из провинции, как правило, был направлен на должности среднего звена.

Гибель в годы Гражданской войны только одного из двенадцати народных комиссаров Уральского областного Совета – И. М. Малышева – говорила о большей безопасности жизни советских лидеров, чем рядовой большевистской массы.

Но что же из себя представляла региональная местная элита? Рассмотрим этот вопрос на примере такой социальной группы, как члены избранного в декабре 1923 г. на первой конференции коммунистов Уральской области областного комитета РКП(б) [11. Ф. 4, Оп. 2. Д. 5. Л. 5].

Из 44 членов областного комитета РКП(б) 43 являлись мужчинами. Факт, отражавший не только срез социокультурных основ участия в политической жизни граждан Советской России, но и военизированный характер самой партии.

В составе Уралобкома РКП(б), избранного на партконференции в декабре 1923 г. из 44 человек – 32 (или 73 %) являлись рабочими по социальному происхождению; однако среди членов Уралобкома не было ни одного – по терминологии того времени – рабочего «от станка». Наличие в составе Уралобкома 25 партийных работников, 17 советских, хозяйственных, профсоюзных ответственных работников наглядно говорило о процессе формирования самостоятельной социальной группы – управленческой элиты. Преобладание в составе областного комитета РКП(б) партийных функционеров (более половины) – без сомнения, факт показательный: на уровне региона секретари партийных комитетов получали гарантированное большинство по любым вопросам. Столь же примечательным было и соотношение советских и партийных управленцев среди членов Уралобкома: соответственно, семь и двадцать пять. Как видно, представительство Советов фактически позволяло иметь «совещательный голос», но не более того.

Вопрос теперь заключался в том, насколько быстро и насколько полно 32 члена обкома (рабочие по «социальному происхождению»), превратившись в управленцев и подчиняясь партийной дисциплине, забудут свое пролетарское прошлое.

К такому шагу способствовало то, что из 44 членов обкома 23 (то есть более половины) имели стаж пребывания в партии большевиков до февраля 1917 г.: став профессиональными революционерами в юношеские годы, как правило, весьма короткий срок успели побывать в рабочей среде на производстве. При всей условности воздействия неоднородного и разнонаправленного рабочего социума, при сакрализации «рабочего класса» в пропаганде и марксистской теории с одной стороны и в то же время использовании

как инструмента достижения политических целей – отдаленность вчерашних подпольщиков от реалий рабочего быта превращалась в весомый социальный фактор.

Следует отметить и препятствовавшие такому разрыву с прошлым обстоятельства: родственные и товарищеские связи; постановка на партийный учет по традиции того времени в заводских партийных ячейках; вера в социалистические идеалы.

Структуризация членов Уралобкома РКП(б) по величине партийного стажа дает весьма примечательную картину. Только пять человек (11 % от всего состава Уралобкома), вступивших в партию до революции 1905 г., можно отнести к группе «старой» революционной элиты, тогда как в составе «революционной элиты» Советской России (под этим термином понимались люди, избранные в ЦК большевистской партии в 1917–1922 гг.) таких коммунистов насчитывалось более половины: 41 из 78 (или 53 %) [5].

В то же время в составе Уралобкома было немало и членов большевистской партии, вступивших в ее ряды в годы Гражданской войны (6 человек). Основными группами в составе Уралобкома являлись: большевики с партийным стажем 1905–1916 гг. (18 человек) и ставшие партийцами в 1917 г. (15 человек).

Таким образом, основную массу членов Уралобкома РКП(б) представляли либо вчерашние подпольщики, либо люди, присоединившиеся к партии в ходе революционных событий 1917 г.

По мнению Т. П. Коржихиной и Ю. Ю. Фигатнера, «ленинская гвардия выгодно отличалась от последующих поколений советской элиты: в нее входили «профессиональные революционеры, выходцы по преимуществу из семей квалифицированных, потомственных рабочих и разночинной интеллигенции», вступившие в гонимую партию по глубокому убеждению в необходимости социальных преобразований» [3. С. 27].

Анализ биографий членов Уралобкома РКП(б) 1923 г., уже упомянутое наше исследование биографий советских лидеров Уральской области в 1917–1920 гг. позволяют сделать ряд наблюдений. Во-первых, немногочисленные ответственные работники с высшим образованием, как правило, переводились с Урала в столицу в центральные органы. Во-вторых, весомое присутствие в региональной элите выходцев из семей разночинцев, дворян, священнослужителей за годы Гражданской войны заметно сократилось, уступив место вчерашним рабочим. В-третьих, эти рабочие в своем большинстве были из семей неквалифицированных рабочих. В-четвертых,

индустриально-аграрный характер региона обусловил тот факт, что в составе Уралобкома РКП(б) 1923 г. было совсем немного выходцев из крестьянских семей – всего четверо. В-пятых, линии судеб уральских лидеров, вступивших в партию в период 1905–1907 гг. не подтверждают мнение Картера Элвуда о поколении «мальчишек, которым захотелось поиграть в революцию» [5. С. 32]. Куда правильнее будет говорить о поколении мужчин, ставших революционерами совсем юными в 1905 г., профессиональными подпольщиками в дооктябрьский период, активными участниками октябрьского переворота и Гражданской войны; руководителями восстановления экономики Урала в первой половине 1920-х гг.

Специфика состава Уралобкома РКП(б) 1923 г. заключалась в немногочисленности «старой» революционной элиты и в ее ином, чем в центральных органах, содержании. В многонациональном руководстве большевистской партии («революционная элита» была этнически смешанная: только половина ее представителей (38 из 78) были русскими) преобладали люди (57 из 78), получившие высшее или среднее образование, то есть из семей с определенным достатком, способных оплатить учебу своих детей [5].

Вместе с тем они же, встав на путь коренного социального переустройства, порвали связи со своей сословной группой, то есть фактически стали маргиналами.

Преобладание выходцев из низших слоев в составе Уралобкома означало не только иные образовательные, культурные, мировоззренческие характеристики уральцев, но и сохранение социокультурных связей со средой горнозаводских поселков. Потенциально отмеченные социокультурные различия наряду с различным пониманием уровня самостоятельности регионов создавали предпосылки для конфликта по линии «Центр – регион».

В принципе, основоположники марксизма могли торжествовать: на политической сцене (пусть и регионального масштаба) заработал классический «пролетарский» орган власти с широким представительством рабочих. Такое явление было, мягко говоря, не характерно для партийных органов «пролетарской власти» в крестьянской стране. Так, в составе «революционной элиты» (всех членов ЦК 1917–1923 гг.) Советской России дети рабочих составляли 21 %, а выходцы из крестьян – 31 % [5].

Подавляющее большинство состава Уралобкома РКП(б) (31 из 45), составляли люди до 35 лет. Наконец 35 членов Уралобкома (или 80 %)

являлись русскими; четверо – евреи; по одному были представлены народы Прибалтики, Кавказа; Поволжья. Сопоставляя приведенные данные с характеристиками всех ответственных работников Уральской области нетрудно заметить, что по социальному происхождению, возрасту, образованию, национальному составу – члены Уралобкома немногим отличались от «первой тысячи» большевиков Урала (1111 ответственных работников Уральской области).

Общеобразовательный уровень членов Уралобкома РКП (б) был невысок: 32 члена обкома имели только начальное образование (судя по анкетам, нередко двухклассное), шестеро – имели среднее (чаще – горное училище) и только трое – высшее (не всегда завершенное).

Качественным отличием и пропуском в верхний слой региональной элиты в начале 1920-х гг. становился партийный стаж. Индикатор, говорящий о своеобразной проверке на преданность большевизму, указавший на близость к партийным верхам. В начале 1920-х гг. (и до середины 1930-х гг.) близость к «ленинской гвардии» была своеобразным знаком принадлежности к «кругу избранных» как на уровне ЦК РКП(б) и СНК СССР, так и в провинции.

Еще одной важной деталью было то, что если среди *всех коммунистов* Уральской области большевики со стажем пребывания в партии до февраля 1917 г. составляли менее 5 % [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 3. Л. 96]; среди всех ответственных работников областных учреждений Уральской области – 10,5 %, то в руководящем региональном органе – Уралобкоме – картина была, как уже отмечалось выше, принципиально иная: из 44 членов обкома 23 имели стаж пребывания в партии большевиков до февраля 1917 г.

По сути, подобное явление указывало на наличие разных социотипов и психотипов внутри партийных организаций, создавая потенциальные предпосылки для будущих конфликтов поколений и столкновения нравственных ориентиров. Но это был с учетом определенной социальной идентичности большинства членов Уралобкома и «первой тысячи» большевиков Урала не конфликт не между «старой гвардией партии» и новым поколением бюрократов [5], а комплекс противоречий между большевиками, оказавшимися на различных ступенях управленческой лестницы в провинции.

Характерно и другое: «назначенцы», ответственные работники, присылаемые на Урал ЦК РКП(б) – например, члены бюро Уралобкома: М. М. Харитонов, Б. А. Васильев, К. В. Гей и др. –

как правило, заметно отличались по социальным признакам от уральцев и, судя по короткому сроку пребывания в Уральской области (2–3 года), не приживались в уральском руководстве

Особую роль среди членов Уралобкома играли два бывших миньярских рабочих: Д. Е. Сулимов, ставший в декабре 1923 г. председателем Уральского областного совета и возглавивший в 1926 г. Уральский обком РКП(б), а также Ф. И. Локацков – в декабре 1923 г. избранный председателем Уральского областного совета народного хозяйства, а в 1926 г. – сменивший Д. Е. Сулимова на посту председателя Уральского областного совета. Изученные архивные дела: материалы заседаний Пленумов, конференций, бюро Уралобкома 1923–1926 гг. – свидетельствуют о том, что выступления Д. Е. Сулимова и Ф. И. Локацкова задавали тон обсуждению экономических вопросов. За плечами обоих региональных лидеров было руководство Деловых советов горнозаводских округов в конце 1917 – начале 1918 г.; политическая работа в Красной армии в 1919 г. (на уровне политотдела и РВС армии); опыт восстановления промышленности Урала в 1920–1923 гг.

Знакомство с биографиями членов бюро Уралобкома приводит к выводу о том, что Д. Е. Сулимов и Ф. И. Локацков стремились подобрать себе подобных из числа профессиональных революционеров, бывших рабочих-уральцев (П. В. Батышев, П. Т. Зубарев и др.). Революционное прошлое, возраст, совместное участие в первых мероприятиях Советской власти на Урале; в боевых действиях в Гражданской войне; происхождение из рабочих семей; одна национальность, жизнь в горнозаводских поселках – все это сближало Д. Е. Сулимова и Ф. И. Локацкова с большинством из той «тысячи» ответственных работников, о которой говорилось выше.

С учетом того, что (судя по Екатеринбургской губернии) только половина партийной организации Уральской области (данные 1922 г.) состояла из представителей нарождающейся номенклатуры и служащих, а в то же время 51,3 % коммунистов в послереволюционные годы не имели карьерного роста, речь шла о начале накопления имущественных различий. Однако принадлежность к номенклатуре и служащим не гарантировала социальную стабильность: к группе управленцев, осуществляющих восходящую профессиональную карьеру, относились 27,7 % коммунистов [1].

Социальный портрет «тысячи» ответственных работников можно реконструировать на основе изучения анкет 178 членов заводууправлений и

районных управлений металлургических и металлообрабатывающих заводов Урала. (Осенью 1920 г. Бюро ЦК профсоюза металлистов Урала провел анкетирование 148 членов заводоуправлений металлургических и металлообрабатывающих заводов Урала, а также 30 членов районных управлений уральской металлопромышленности) [8].

Анализ анкет 178 управленцев, из которых 105 человек являлись рабочими, а 68 – служащими, представляет немалый интерес, позволяет проследить эволюцию социального портрета рабочих-выдвиженцев к 1920 г.

Прежде всего, отметим, что половина управленцев-членов заводоуправлений и районных управлений была в возрасте от 30 до 40 лет; еще четверть – старше 40 лет. Таким образом, социальная группа членов заводоуправлений и районных управлений была старше представителей политической элиты. В условиях революционных потрясений это означало и большую психологическую устойчивость от леворадикальных лозунгов.

При этом анкеты 105 рабочих указывают на преобладание среди большевиков рабочих вспомогательных профессий. Так, 43 из 105 рабочих работали слесарями. Еще 6 – вообще не имели квалификации; у 16 квалификацию трудно было установить. Приведенные данные опровергают утверждение о глубокой связи большевистской партии с представителями кадровых, квалифицированных рабочих.

Стаж общественной работы рабочих-выдвиженцев позволяет не только проследить пути наверх, но и выявить соотношение этих путей. 28 рабочих из 105 (или 27 %) управленческий опыт приобрели в Деловых советах в конце 1917 – первые месяцы 1918 г. Больше всего – 40 % рабочих-выдвиженцев – пришли из профсоюзов; 18 % – из Советов, 9 % – из партийных комитетов. Еще 6 % рабочих были выходцами из кооперативов и других общественных организаций.

Подавляющее большинство рабочих – 84 из 105 – имели начальное образование, еще 5 – не имели и такой образовательной подготовки. Преобладание рабочих с двух или с трехклассным образованием отражало объективную реальность: низкий общеобразовательный уровень русского рабочего класса [10]. Укажем и на невысокую образовательную подготовку служащих-членов заводоуправлений и районных управлений: из 68 человек только 12 человек имели высшее, а 22 – среднее образование; у 34, то есть у половины служащих – оно ограничивалось начальной школой.

Как видно, общеобразовательный уровень рабочих-выдвиженцев и членов Уралобкома РКП(б) был достаточно близким: номенклатурный слой ответственных работников, как правило, заполнили вчерашние рабочие с начальным образованием. С такой образовательной подготовкой неизбежно возрастала роль эмпирического опыта и экспериментальных действий.

Но если «сито» Гражданской войны практически «избавило» региональную большевистскую элиту Урала от людей с высшим образованием, то проверка на лояльность руководству в ходе первой же внутривнутрипартийной дискуссии в конце 1920 г. привела к быстрому понижению в должности Н. И. Уфимцева и В. А. Воробьева, выступивших с весьма умеренной критикой «генеральной линии» [4. С. 102–104], распространению практики назначенчества.

Жесткая партийная дисциплина, бдительный постоянный присмотр Центра – ЦК РКП(б) и чекистских организаций; практика назначенчества сверху – с самого начала 1920-х гг. устанавливали определенный предел самостоятельности действий членам Уралобкома РКП(б). Самостоятельности, и без того весьма ограниченной, в годы хозяйственной разрухи и первых лет НЭПа. Следует отметить, что интересы региона требовали как раз обратного: расширения инициативы на местах. Разрешение конфликта противоречий Центра и региональной элиты теперь зависело от двух факторов: степени централизации власти в партии и векторов развития НЭПа.

Оба названных фактора были тесно переплетены: упорнейшая борьба в руководстве большевистской партии в 1920–1927 гг., резко обострившаяся после смерти Ленина в 1924 г., объективно не только ослабляла позиции центра в отношениях с региональными элитами, но и была связана с лавированием в ЦК РКП(б) по вопросу свертывания или углубления НЭПа [2].

Следует отметить, что опыт Гражданской войны ожесточил как ветеранов партии, так и ее новобранцев, представителей элиты и рядовых членов. По справедливому замечанию Ш. Фицпатрик, радикальные меры, к которым систематически прибегали в годы Гражданской войны, определили предрасположенность коммунистов к идее «революция превыше всего» [5. С. 45]. Тем не менее, приступая к восстановлению народного хозяйства, начиная постигать сложности НЭПа, члены Уралобкома РКП(б) находились в поле своеобразного многогранного эксперимента, границы которого определяли, как марксистские догмы и партийная дисциплина, так и эмпириче-

ский прагматизм выходцев из низших слоев общества; опыт предшествующей управленческой деятельности и новые реальности НЭПа. Ответственность перед ЦК и ответственность перед рабочими массами в 1923–1925 гг. руководителями Уральской области из числа бывших уральских рабочих еще понимались как равновеликие величины.

Жизнь (прежде всего, реалии НЭПа) становилась той лабораторией проверки качества управленческого мастерства, которая выстраивала иную иерархию управленцев: на способных безусловно подчиняться директивам Центра и способных к сколько-нибудь эффективной организации восстановления экономики. Характерно, что уже первая областная конференция в декабре 1923 г. выявила существенные различия во взглядах на НЭП между партийными функционерами и их товарищами, вставшими во главе совнархозов, трестов и крупнейших предприятий [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 90] как на общесоюзном, так и на региональном уровнях.

Сказывалось и влияние развития научной мысли советских экономистов, последовательно углубляющих принципы и методологию научного планирования экономического роста [12], подошедших к 1926 г. к основам разработки первого пятилетнего плана.

Собственно говоря, несовпадение позиций Центра и Уралобкома РКП(б) проявились уже в декабре 1923 г. на первой областной конференции. Показательным было и выступление В. М. Молотова. Подавляющую часть своего доклада он посвятил революционным событиям в Германии и перипетиям внутрипартийной борьбы. Выход из сложностей ситуации начала 1920-х гг. секретарь ЦК видел в следующем весьма простом решении: увеличении приема рабочих в партию. «Нам следует удвоить и утроить прием» [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 59–64]. Каким образом увеличение приема в партию малограмотных рабочих может решить социально-экономические проблемы 1923 г., В. М. Молотов не сообщил.

Характерно, что в резолюциях конференции это высказывание секретаря ЦК не нашло отражения. На первый план в резолюциях вышло требование превратить тресты из «органов управления с удушающим централизмом, в органы, делающими ставку на инициативу и самостоятельность заводов» [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 94].

Отклик на общепартийную дискуссию осени 1923 г. в резолюциях конференции выглядел следующим образом: «есть крупные успехи в борьбе с внутрипартийными болезнями, вызванными нэ-

пом» [11. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 93]. Столь нейтральная формулировка не могла вызвать одобрение ни у группировки в ЦК во главе со Сталиным, ни у сторонников Троцкого. Указание на связь «внутрипартийных болезней» с НЭПом, как представляется, показывало, если не степень некоторой удаленности уральских партийных работников от вражды фракций в 1923 г., то, по крайней мере, весьма сдержанное одобрение курса «большинства» в ЦК.

Подобное поведение уральцев становится понятным, если рассматривать ход внутрипартийной дискуссии осени 1923 г. в контексте общего развития социально-экономической и политической жизни СССР.

Текст известного документа советской эпохи – «Заявления 46» (письма 46 видных большевистских работников), направленного 15 октября 1923 г. в Политбюро ЦК РКП(б) – неоднократно комментировался историками. Характеристика документа как «антипартийного вызова троцкистской оппозиции большевистской партии» в советское время была официальной и непререкаемой. В постсоветское время преобладающей стала противоположная оценка.

Так, в одном из последних исследований «Заявление 46» характеризуется как проект реформирования партии, а подписавшие «Заявление» партработники представляли «группу единомышленников, объединенную общей программой реформирования внутрипартийного режима и хозяйственной политики» [6. С. 18, 24].

Правда, такая оценка дополняется обоснованным замечанием о том, что оппозиционеры весьма условно были единомышленниками, поскольку подписавших «Заявление» объединяло – и то фрагментарно – «ситуационно критическое отношение к политике партии», а также (абстрактно звучавшая) «поддержка более решительной демократизации внутрипартийного режима» [6. С. 25].

Не случайно выступления оппозиционеров чаще всего не находили понимания среди рядовых коммунистов, так как редко увязывались с конкретными локальными проблемами или напоминали «склоку» высокопоставленных враждующих бюрократов [6]. Вряд ли приведенные оценки позволяют говорить о каком-то реформировании партии.

Непредвзятое обращение к самому тексту «Заявления 46» [7] позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, жесткая критика ЦК РКП(б) за «полное отсутствие планомерного организаторского руководства», за «случайность, необдуман-

ность, бессистемность решений» – в этом же абзаце дезавуируется словами о «наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, успехов, достигнутых хозяйством страны». Во-вторых, утверждение о «полном отсутствии планомерного организаторского руководства» со стороны ЦК; «стихийном» происхождении успехов в экономике – выдает игнорирование знания и понимания результатов экономических реформ первых лет НЭПа.

В-третьих, текст «Заявления» не содержит не только ни Программы демократизации партийной жизни, но лишен хотя бы тезисного изложения расширения прав первичных организаций. Предложение же «созвать совещание членов ЦК с наиболее видными и активными работниками, с тем, чтобы список приглашенных включил в себя ряд товарищей, имеющих взгляды на положение, отличные от взглядов большинства ЦК», указывает скорее на кулуарный характер предполагаемой дискуссии в верхнем эшелоне власти.

В-четвертых, в сложнейшей обстановке восстановления экономики, обострения трудовых конфликтов документ был лишен каких-либо предложений, касающихся улучшения материально-бытового положения рабочих.

В такой ситуации замена недемократических высокопоставленных «нынешних руководителей» и «секретарской иерархии партии», которая «все в большей степени подбирает состав конференций и съездов», определяя порядок внутрипартийной жизни, на «демократических» партийных функционеров без переноса центра тяжести внутрипартийной жизни с «верхних» на «нижние этажи партии» ничего, по сути, не меняла.

Последнее утверждение усиливается при знакомстве с биографиями большевиков, подписавших текст «Заявления 46»: в своей массе это были командиры и комиссары (в широком смысле этого слова – члены РВС армий, дивизий) Гражданской войны, привыкшие за годы «военного коммунизма» к административным методам управления.

Следует констатировать, что в ходе дискуссии одна и та же риторика о демократии в партии использовалась обеими сторонами в своих утилитарных, фактически демагогических целях. Все сказанное позволяет охарактеризовать текст «Заявления 46» как инструмент борьбы за власть и руководящие посты в правящей партии, удовлетворение собственных политических или идеологических амбиций. Закономерно, что за редким исключением текст «Заявления 46» не затронул ни партийные массы, ни региональные элиты.

Так, по подсчетам В. М. Кружинова, оппозицию в последние месяцы 1923 г. на Урале поддержало около тысячи членов партии, или 3–4 % партийцев Уральской области. Характерно и другое: большинство коммунистов не желали расправы с оппозицией «раз и навсегда», не понимая необходимости морального уничтожения «вчерашних вождей». Крайне сдержанно воспринималась и кампания по дискредитации Троцкого [4].

Сказывался и субъективный фактор: в числе подписантов «Заявления 46» оказались трое бывших руководителей уральских большевиков, работавших осенью 1923 г. в Москве: А. Е. Преображенский – с мая 1918 г. по январь 1919 г. — председатель Президиума Уральского областного комитета РКП(б), А. Г. Белобородов – с января 1918 г. по январь 1919 г. – председатель исполкома Уральского областного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; Л. С. Сосновский – председатель исполкома Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов в августе 1917 г. – январе 1918 г. Подписал документ и руководитель крупнейшего объединения промышленных предприятий Урала, председатель синдиката «Уралмет», (с декабря 1923 г. – член бюро Уралобкома и председатель областного СНХ) Ф. И. Локацков.

Очевидно, что переезд функционеров из провинции в столицу на руководящие должности в центральном аппарате означал не только сокращение связей с прежней социальной средой, с приоритетом конкретных социально-экономических задач, но и втягивание в лагерь сторонников враждующих между собой «вождей» партии со всеми вытекающими обязательствами. Это означало, что вопросы экономической политики, общественной жизни из самостоятельных целей превращались в предметы обвинения оппонентов, а поиски истины подменялись способами политического уничтожения противников.

В то же время сдерживающим фактором углубления вражды внутрипартийных фракций осенью 1923 г. выступали, с одной стороны, непрочность экономических позиций Советской власти, незавершенность восстановления экономики; с другой стороны – неоднородность самих фракций, только формально объединенных вокруг Троцкого и вокруг Сталина, Зиновьева, Каменева.

Состоявшийся 6 января 1924 г. пленум Уралобкома РКП(б) принял постановление о прекращении внутрипартийной дискуссии, мотивируя это тем, что «нельзя допустить впредь, чтобы группа товарищей по фракционным соображениям потрясала все основы партии, подвергая ее тем самым величайшим опасностям» [4. С. 150].

Тем самым провинциальный партийный комитет высказал собственное, самостоятельное мнение о развитии партийной жизни.

Однако последнее слово решил сказать Центр. В мае 1924 г. на Второй партийной конференции Уральской области по указанию вновь прибывшего в Свердловск секретаря ЦК В. М. Молотова из состава Уралобкома были выведены два сторонника оппозиции; члены Уралобкома в обязательном порядке были втянуты в антитроцкистскую пропагандистскую кампанию, сопровождавшуюся принятием во всех парторганизациях резолюций, осуждающих «троцкистскую ревизию ленинизма». В апреле 1925 г. «назначенца» сверху М. М. Харитонов сменил еще один назначенец – Н. К. Антипов, в большей мере ориентировавшийся на Сталина [4].

Жесткое подавление сначала оппозиции сторонников Троцкого, затем «новой оппозиции» в 1925 г. на Четырнадцатом съезде партии; обязательность участия всех ответственных работников в разоблачении оппозиционеров [4], казалось, должно было положить конец какой-либо самостоятельности региональной элиты во внутривластных вопросах.

Однако, судя по архивным документам первой половины 1926 г., уральские ответственные работники Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева продолжали рассматривать как вождей «единого» Политбюро, временно занявших различные позиции. Характерно в этом плане выступление Д. Е. Сулимова на собрании коммунистов Свердловска 26 января 1926 г. с докладом об итогах Четырнадцатого съезда партии. Сулимов сконцентрировал внимание не на антипартийном поведении лидеров оппозиции, а на их идеях. Отмечалось, во-первых, неправильное понимание НЭПа, как только «отступления». Ссылаясь на документы партийных форумов, выступления Н. И. Бухарина, Сулимов оценивал НЭП и как переходный этап от капитализма к социализму, и как перестройку народного хозяйства, требующие существенного изменения форм и методов управления [11. Ф. 4. Оп. 4. Д. 47. Л. 48–50]. Во-вторых, критикуя Зиновьева за оценку советской промышленности как капиталистической по своей сути Сулимов высказал весьма спорное утверждение о ее социалистическом характере, так как последняя «принадлежала пролетариату» [11. Ф. 4. Оп. 4. Д. 47. Л. 6–7]. Обращали на себя внимание самостоятельность и сдержанность оценок Сулимова, стремление воздержаться от резкого осуждения оппозиции с использованием ярлыков и необоснованных обвинений.

Сама специфика партийной работы подталкивала к безусловному выполнению директив сверху, идеологических нормативов, идеализации опыта прошлого. Все это способствовало консервации взглядов партийных работников; затрудняло реалистический анализ как прошедших, так и современных событий.

Однако НЭп продолжался, а с ним у региональных хозяйственных элит росло накопление управленческого опыта и иное, чем в годы Гражданской войны, эмпирическое осознание подходов к управлению. Даже с учетом того, что эти подходы носили явно выраженный технократический характер и, как правило, замыкались отраслевыми рамками, именно у хозяйственных работников: руководителей совнархозов, трестов и крупнейших заводов – на протяжении 1920-х гг. вызревало понимание реальных закономерностей развития экономики; необходимости сохранения многоукладности на длительную перспективу.

Справедливости ради заметим, что анализ изученных выступлений хозяйственных работников Уральской области в период 1923–1926 гг. говорит о весьма ограниченном понимании сущности управления в экономике: доклады на партийных пленумах и конференциях явно перегружены цифрами – количественными показателями. Выполнение количественных показателей рассматривалось как магическая самоцель, достижение которой решало бы не только проблемы восстановления промышленности края, но и автоматически задачи социалистических преобразований.

Вопросы повышения производительности труда носили чисто постановочный характер и при сохранении старой технической базы с одной стороны и затруднительности сокращения рабочих с другой стороны превращались в скорее формальный монолог, чем в аналитический разбор. В такой ситуации еще один «конек» хозяйственников периода НЭПа – заработная плата рабочих – несмотря на ритуальные призывы к ее повышению, фактически отдавалась на волю конъюнктуры рынка, балансируя между успешными и неуспешными отраслями, рентабельными и нерентабельными предприятиями.

В любом случае первая половина 1920-х гг. стала временем медленного и непоследовательного продвижения руководителей Уральской области по пути постижения управленческих технологий. Не случайно имена ряда представителей хозяйственной региональной элиты начала 1920-х гг. (например, Д. Е. Сулимова и Ф. И. Локацкого, сыгравших видную роль в индустриализации Урала) и сегодня носят улицы уральских городов.

Но судьба региональной элиты – вне рамок предлагаемой статьи.

Анализ материалов первой областной конференции РКП(б), последующих партийных конференций в Уральской области показывает степень различных подходов центрального и регионального органов власти. Если идея мировой революции и борьба за власть в Политбюро РКП(б)

в 1922–1927 гг. была для аппаратчиков из ЦК первостепенным делом, то для руководителей Уральской области более важными представлялись задачи восстановления экономики. Фракционная борьба внутри руководства РКП(б) в 1922–1927 гг. сохраняла возможность региональным элитам определенной, весьма ограниченной самостоятельности действий.

Список литературы

1. Воробьев, С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписки членов РКП(б) 1922 г. / С. В. Воробьев. – Екатеринбург, 2004.
2. Голанд, Ю. М. Разрушение нэпа: экономические, идеологические и политические предпосылки / Ю. М. Голанд // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. М., 5–7 декабря 2008 г. – М., 2011. – С. 112–134.
3. Коржихина, Т. П. Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер // Вопр. истории. – 1993. – № 7. – С. 25–38.
4. Кружинов, В. М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала) / В. М. Кружинов. – Тюмень, 2000. – 231 с.
5. Модели, Э. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет его члены, 1917–1991 гг. / Э. Модели, С. Уайт. – М., 2011. – 431 с.
6. Резник, А. В. Левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 гг. / А. В. Резник. – СПб., 2014.
7. РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. – М., 2004. – 462 с.
8. Рыболовлев, А. П. Рабочее управление / А. П. Рыболовлев // Серп и молот. Орган Рев. совета первой трудовой армии и Уралпром. бюро ВСНХ. – 1920. – № 14. – С. 8–10.
9. Фельдман, М. А. Рабочие во власти? Проблема личного участия рабочих в органах Советской власти в годы Гражданской войны / М. А. Фельдман // Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции «Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. 16–17 мая 2013 г. – М., 2013. – С. 679–686.
10. Фельдман, М. А. Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900–1941 гг. / М. А. Фельдман // Вопр. истории. – 2007. – № 10. – С. 13–30.
11. ЦДОСО. (Центр документации общественных организаций Свердловской области).
12. Ясный, Н. Советские экономисты 1920-х гг. Долг памяти / Н. Ясный. – М., 2012. – 344 с.

Сведения об авторе

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления (филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ). Екатеринбург, Россия.

feldman-mih@yandex.ru

Magistra Vitae.

2016. No 2. P. 47–56.

AFTER REVOLUTIONARY UPHEAVALS: REGIONAL ELITES URAL BY THE TIME THE URAL REGION

M. A. Feldman

Ural Institute of Management (the branch of the Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation). Yekaterinburg, Russia. feldman-mih@yandex.ru

The Article is devoted to the evolution of the views of the Soviet regional elite on the principles, directions and prospects of the new economic policy in 1923. On the basis of materials of the Ural region the conclusion about the differences in the approaches of representatives of the party and economic structures of the variants of development of the NEP. Analysis of biographies of members of Uralkom of the RCP (b) 1923. allowed to reconstruct the socio-cultural portrait of the Bolshevik leaders of the region to the beginning of the NEP, to identify common and specific features of regional leaders. The conclusion about the proximity of the characteristics of all the responsible workers of the Ural region, for the claim «shutdown» appointees social origin, age, education, national co-stava.

Keywords: *new economic policy, the party conference, workers power, the Urals, discussion, elite.*

References

1. Vorobev S.V. *Sotsialnyiy portret kommunistov Urala nachala 1920-h gg.: istochnikovedcheskoe issledovanie materialov Vserossiyskoy perepisi chlenov RKP(b) 1922 g.* [Social portrait of communists of the Urals beginnings of the 1920th: source study research of materials of the All-Russian census of members of RCP(b) of 1922]. Ekaterinburg, 2004. (In Russ.).
2. Goland Yu.M. *Razrushenie nepa: ekonomicheskie, ideologicheskie i po-liticheskie predposylki* [Destruction of the New Economic Policy: economic, ideological and political prerequisites]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Stalinism History: results and problems of studying. Materials of the international scientific conference]. Moscow, 2011. Pp. 112–134. (In Russ.).
3. Korzhihina T.P., Figatner Yu.Yu. *Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mehanizmy deystviya* [Soviet nomenclature: formation, action mechanisms]. *Voprosy istorii* [History questions], 1993, no. 7, pp. 25–38. (In Russ.).
4. Kruzhinov V.M. *Politicheskie konflikty v pervoe desyatiletie sovetskoy vlasti (na materilah Urala)* [Political conflicts in the first decade of the Soviet power (on materials of the Urals)]. Tyumen, 2000. 231 p. (In Russ.).
5. Modeli E., Uayt S. *Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva. Tsen-tralnyi komitet ego chleny, 1917–1991 gg.* [The Soviet elite from Lenin to Gorbachev. Central committee his members, 1917–1991]. Moscow, 2011. 471 p. (Istoriya stalinizma). (In Russ.).
6. Reznik A.V. *Levaya oppozitsiya v RKP (b) v 1923–1924 gg.* [The left opposition in RCP(b) in 1923–1924]. Saint Petersburg, 2014. (In Russ.).
7. RKP(b). *Vnutripartiynaya borba v dvadtsatyie gody. Dokumenty i materialy* [Inner-party fight in the twenties. Documents and materials]. Moscow, 2004. 462 p. (In Russ.).
8. Ryibolovlev A.P. *Rabochee upravlenie* [Working management]. *Serp i molot. Organ Rev. soveta pervoy trudovoy armii i Uralprom. byuro VSNH* [Sickle and hammer. Body Roar. council of the first labor army and Uralprom. VSNKh bureau], 1920, no. 14, pp. 8–10.
9. Feldman M.A. *Rabochie vo vlasti? Problema lichnogo uchastiya rabochih v organah Sovetskoy vlasti v gody Grazhdanskoj voyni* [Working in power? A problem of personal participation of workers in bodies of the Soviet power in days of the Civil war]. *Materialy XVII Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii «Lichnost v politicheskikh, ekonomicheskikh i kulturnykh protsessakh rossiyskoy istorii. 16-17 maya 2013* [Materials XVII of the All-Russian scientific-theoretical conference “The personality in political, economic and cultural processes of the Russian history. On May 16–17, 2013]. Moscow, 2013. Pp. 679–686. (In Russ.).
10. Feldman M.A. *Uroven obrazovaniya promyshlennykh rabochih Rossii i SSSR v 1900–1941* [The education level of industrial workers of Russia and the USSR in 1900–1941]. *Voprosy istorii* [History questions], 2007, no. 10, pp. 13–30. (In Russ.).
11. CDOOSO. (Centr dokumentacii obshhestvennykh organizacij Sverdlovskoj oblasti) [TsDOOSO. (Center of documentation of public organizations of Sverdlovsk region)]. (In Russ.).
12. Yasnyiy N. *Sovetskie ekonomisty 1920-h gg. Dolg pamyati* [Soviet economists of the 1920th. Duty of memory]. Moscow, 2012. 344 p. (In Russ.).